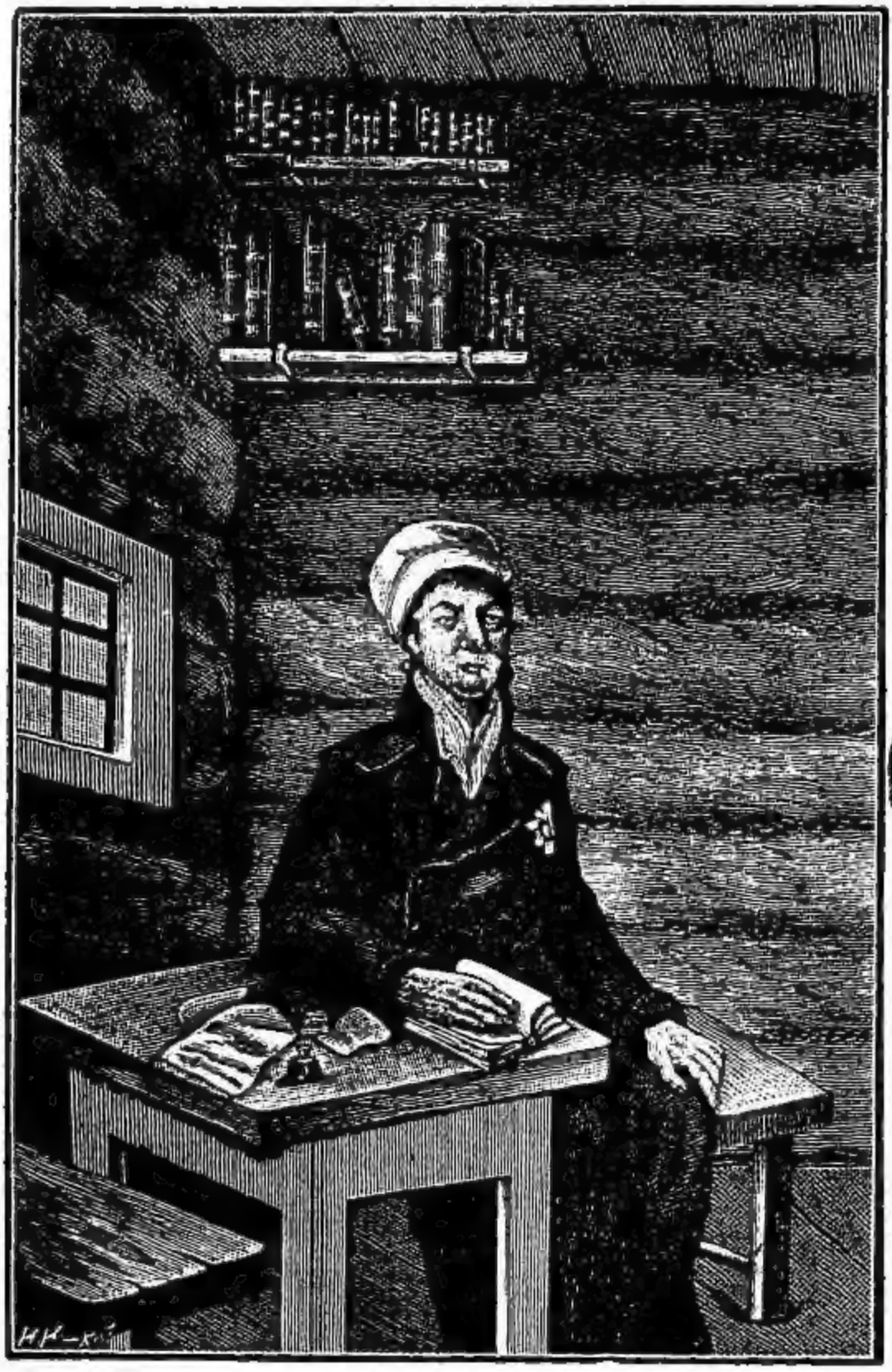
Изданіе Общества распространенія полезныхъ книгъ. № 735.

КНЯГИНЯ ЕКАТЕРИНА РОМАНОВНА ДАШКОВА.



М.П.М.

Біографическій очеркъ для юношества, составленно А. Виноградовой.

МОСКВА, 1897.

Типографія Общества распространенія полезныхъ книгъ.

Моховая, противъ манежа, д. пп Гагарина.

Дозволено цензурою. Москва, 30 октября 1896 года.

КНЯГИНЯ

ЕКАТЕРИНА РОМАНОВНА ДАШКОВА,

урожденная графиня Воронцова.

Послѣ Екатерины Второй, образованные люди Европы, во вторую половину восемнадцатаго столѣтія, въ разговорахъ о Россіи, чаще всего поминали другую Екатерину Романовну, княгиню Дашкову. Много толковали о роли, которую она сыграла въ знаменитомъ переворотѣ 1762-го года, о дружбѣ двухъ Екатеринъ, ихъ ссорахъ и примиреніяхъ, о дѣятельности Екатерины Романовны въ качествѣ „дамы президента двухъ академій“ и ея путешествіяхъ по Европѣ, о ея безумной гордости, о ея доб-

родѣтеляхъ, о легкости ея нрава и проч., проч.

Дашкову называли „сказочной героиней“ по разнообразію ея дѣятельности, знаній и талантовъ, образцомъ прямоты и возвышенности чувствъ. О ней говорили, что она была бы на своемъ мѣстѣ, командуя арміей и управляя государствомъ. Но рядомъ съ самыми лестными отзывами, нерѣдко слышались и мнѣнія, совершенно противоположнаго свойства; такъ напримѣръ: ее называли тщеславной хвастуньей, трусливой интриганкой, которая ничего и ни для кого не дѣлаетъ безъ разсчета, негодовали на ея излишнюю скупость и самолюбіе и разсказывали о ней различные анекдоты. Съ одной стороны въ честь ея писали стихотворенія, съ другой, осмѣивали въ комедіяхъ. Заграницей она пользовалась большимъ успѣхомъ: Дидро видѣлъ въ ней воплощеніе идеальной русской женщины, Вольтеръ, послѣ ея посѣщенія Парижа, пишетъ ей похвалы въ прозѣ, братъ короля Шведскаго, герцогъ Карлъ, Станиславъ Понятовскій – король Польши—выра-

жаютъ ей свое уваженіе; Іосифъ II, императоръ Австрійскій, ищетъ съ ней свиданія, несмотря на свою болѣзнь; самъ Великій Фридрихъ—этотъ „старый ворчунъ“, стоитъ передъ Дашковой безъ шляпы на глазахъ цѣлой арміи.

Современные намъ писатели называютъ ея характеръ „*исключительнымъ*“, дарованія ея ума и души „*чрезвычайными*“, не сомнѣваются, что она много поработала для переворота 1762 года; время ея управленія академіи называютъ „лучшимъ временемъ въ исторіи Россійской Академіи“. Но, подводя итоги фактамъ и отзывамъ за и противъ этой замѣчательной женщины, приходятъ къ выводамъ, что ея стремленія были *узко эгоистичны*, образованность *внѣшняя*, идеалы *туманные*, а ея общественно-литературная дѣятельность *небезкорыстна*.

Что касается насъ, княгиня Дашкова возбуждаетъ въ насъ глубокій интересъ, не столько какъ историческій дѣятель, но какъ русская женщина, жизнь которой прошла въ безплодной борьбѣ за самостятельность

мысли и дѣйствій, за ея человѣческое *я*. Жизнь ея была сплошнымъ рядомъ разочарованій и обманутыхъ надеждъ. Она была обманута во всемъ: въ честолюбіи, въ дружбѣ, въ семейныхъ привязанностяхъ. Однако она до глубокой старости сохранила способность глубоко привязываться къ людямъ при малѣйшей надеждѣ на сочувствственный откликъ. Если убѣжденія ея были шатки и неопредѣленны, то виною этому были воспитаніе и среда, въ которой она вращалась. Она всю жизнь билась, какъ птица въ клѣткѣ, и умерла съ тоскливымъ сознаніемъ, что могла совершить многое—и не сдѣлала ничего. Судьба такихъ людей трагична и всегда одинакова: это тѣ неудачники, которыхъ судьба щедро надѣляетъ всѣми талантами и самыми лучшими стремленіями, но не даетъ необходимаго практическаго смысла, чтобы они могли примѣнять свои способности сообразно съ данными условіями жизни.

Въ туманной дали начала нынѣшняго столѣтія я вижу горделиво-грустный старушечій обликъ; изъ-подъ батистоваго чепца

выбиваются сѣдые волосы; глубокіе глаза смотрятъ съ печальнымъ раздумьемъ; усталость и горечь ютятся въ складкахъ рта. Красное платье кидаетъ на характерныя черты пурпуровый отблескъ; какъ будто сквозь старческую кожу пробивается зарево таинственнаго душевнаго пожара, подавленнаго, но непотухшаго. Раскрытая шкатулка на колѣняхъ полна сувенирами „ложныхъ друзей“. Старушка смотритъ на реликвіи, и печальная ироническая улыбка появляется на ея устахъ...

Отецъ Дашковой, графъ Романъ Илларіоновичъ Воронцовъ, служилъ сначала въ военной службѣ подъ начальствомъ Густава Бирона, брата, знаменитаго своею жестокостью, временщика. Ему давались неважныя командировки въ родѣ „пріуготовленія подводъ къ маршу Его Превосходительства“. Онъ танцовалъ на дворцовыхъ ассамблеяхъ, игралъ въ карты и вообще велъ свѣтскую, безпечную жизнь назтнаго

человѣка того времени, но потомъ онъ перешелъ въ статскую службу и, ко времени рожденія своей младшей дочери, былъ уже сенаторомъ. Во всю свою жизнь онъ ничѣмъ не выдавался изъ толпы царедворцевъ, если не считать той исключительной, даже по тому времени, слабости къ расточительности, которая подала поводъ Екатеринѣ Второй подарить ему на именины пустой кошелекъ длиною почти въ аршинъ... Его жена, мать Екатерины Романовны, Марѳа Ивановна Сурмина, считалась одной изъ первыхъ красавицъ двора Анны Іоанновны и славилась своимъ умѣньемъ плясать „русскую“. Веселая и расточительная Елизавета Петровна, сама любившая водить хороводы, очень дружила съ скромной и нетребовательной Марѳой Ивановной, тѣмъ болѣе, что та никогда не отказывала помочь принцессѣ своимъ кошелькомъ. Сдѣлавшись императрицей, Елизавета Петровна не забыла своей подруги и всегда оказывала ей особенное расположеніе, которое потомъ перенесла и на ея дочь т. е. на княгиню Дашкову. У Екатерины

Романовны были двѣ сестры старше ея—Марія и Елизавета—и два брата: Александръ и Семенъ. Но наибольшее право на историческое вниманіе заслужила она сама.

Екатерина Романовна родилась 17 марта 1743 года, во второй годъ царствованія Елизаветы Петровны. Императрица сама пожелала быть крестной матерью новорожденной, а крестнымъ отцомъ былъ пятнадцатилѣтній наслѣдникъ престола, нисколько непредполагавшій, конечно, какъ жестоко впослѣдствіи отплатитъ ему его крестница. Удостоенная еще въ пеленкахъ вниманія царственныхъ особъ, Екатерина Романовна не пользовалась, однако, вниманіемъ своихъ родителей. Ни отецъ, ни мать не любили отнимать времени у наслажденій жизнью, чтобы проводить его въ скучныхъ заботахъ по воспитанію дѣтей, и охотно поручали ихъ бабушкѣ или дѣдушкѣ или даже отдавали совсѣмъ въ чужія руки. Такъ двѣ старшія дочери, Марья и Елизавета, въ самыхъ раннихъ лѣтахъ были отправлены во дворецъ, гдѣ изъ нихъ воспитывали фрейлинъ. И если

въ этомъ случаѣ можно извинить родителей государственной необходимостью, то чѣмъ оправдать удаленіе крошечной Екатерины къ бабушкѣ, а грудного Семена къ дѣду? Какъ бы то ни было, матери своей Екатерина Романовна совсѣмъ не помнила... Недолго пользовалась дѣвочка и любящими попеченіями бабушки... четырехъ лѣтъ она переходитъ въ третьи руки—къ дядѣ своему, вице-канцлеру Михаилу Иларіоновичу Воронцову. Онъ не былъ такъ богатъ дѣтьми, какъ его братъ Романъ Иларіоновичъ, и его единственной дочери понадобилась подруга для дѣтскихъ игръ. Женатый на двоюродной сестрѣ императрицы, Аннѣ Карловнѣ Скавронской, Михаилъ Иларіоновичъ пользовался большимъ расположеніемъ Елизаветы Петровны. Къ нему благоволилъ и любимецъ государыни, Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, и оба часто заѣзжали къ вице-канцлеру ужинать, возвращаясь изъ театра. Жизнерадостному Роману Иларіоновичу не было ни времени, ни охоты возиться съ дочерью, и потому, онъ принялъ какъ благодѣяніе

предложеніе брата, но бабушка отпустила внучку не безъ сопротивленія. Некрасивая, но необыкновенно умная и чувствительная, дѣвочка скоро почувствовала себя одинокой и заброшенной въ богатомъ домѣ своего дяди. Занятый дѣлами, онъ не имѣлъ времени, а его жена не умѣла и не хотѣла заглянуть въ душу маленькой дикарки, которая, въ довершеніе всего, не сошлась съ своей кузиной,хорошенькой Анной. Какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, маленькая рознь, зародившаяся въ дѣтскихъ сердцахъ, вслѣдствіе несходства характеровъ, была усилена пристрастнымъ отношеніемъ взрослыхъ въ пользу одной стороны и мало по малу перешла въ полное отчужденіе. Впослѣдствіи княгиня такъ писала въ своихъ запискахъ о своихъ отношеніяхъ къ кузинѣ: „мы жили въ однѣхъ съ нею комнатахъ, имѣли однихъ и тѣхъ же учителей, были одинаково одѣты; вся внѣшняя обстановка клонилась къ тому, чтобы сдѣлать насъ совершенно сходными другъ съ другомъ. Однако же во всѣ періоды и во всѣхъ дѣйствіяхъ нашей жизни едва ли мож-

но было бы найти два существа болѣе противоположныхъ.“ Дѣвочекъ воспитывали сообразно съ самыми строгими требованіями моды. Гувернантка учила ихъ по-французски, спеціальные учителя преподавали итальянскій и нѣмецкій языки. Русской грамотой занимался съ барышнями нѣкто Ѳеодоръ Дмитріевичъ Бехтѣевъ, приглашенный впослѣдствіи къ великому князю Павлу Петровичу. Но изученіе роднаго языка не считалось существеннымъ дѣломъ, потому что Екатерина Романовна въ своихъ запискахъ сообщаетъ не безъ кокетливаго пренебреженія, что уроки у Бехтѣева брались только тогда, „когда ихъ угодно было слушать“.

А когда послѣ замужества Екатерина Романовна пріѣхала въ Москву, она была въ большомъ затрудненіи, не зная на какомъ языкѣ объясняться съ своей свекровью, истой москвичкой, не знавшей никакого другого языка кромѣ роднаго.

Къ тринадцатилѣтнему возрасту образованіе дѣвицъ Воронцовыхъ считалось законченнымъ. Въ тѣ времена на тринадцати-

лѣтнихъ дѣвочекъ всѣ смотрѣли какъ на „невѣстъ“ и, стыдливо краснѣя, невѣсты мечтали о суженыхъ. Некрасивая, но чрезвычайно самолюбивая, Катя Воронцова жестоко страдала, не находя „предмета“, на который бы могла излить пламенныя чувства своего юнаго, восторженнаго сердца. И вотъ она изнемогаетъ въ безплодныхъ попыткахъ найти искреннюю привязанность среди тѣхъ людей, которые привыкли руководствоваться однимъ разсчетомъ въ своихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ и сродство душъ считали пустой сентиментальностью. Одиноко бродила молодая дѣвушка по обширнымъ покоямъ канцлерскаго дома. Ее угнетала мысль, что ей суждено всегда наталкиваться только или на равнодушіе, или на непріязнь, что въ ея натурѣ есть, вѣроятно, что-то такое что отталкиваетъ всѣхъ. Въ такомъ настроеніи Екатерину Романовну застигла болѣзнь, неважная сама по себѣ, но оказавшая большое вліяніе на ея душевный складъ.

20 сентября 1754 г. крестная мать Екатерины Романовны была обрадована рожденіемъ внучатнаго племянника, царевича Павла. Тотчасъ послѣ рожденія ребенокъ былъ взятъ отъ своихъ родителей и помѣщенъ въ аппартаментахъ самой Государыни. Здѣсь многочисленная толпа нянекъ и мамокъ окружила его нѣжными, но въ то же время и невѣжественными попеченіями. Онъ лежалъ въ жарко натопленной комнатѣ, въ кроваткѣ, обитой мѣхомъ чернобурыхъ лисицъ, закутанный во фланелевыя пеленки и прикрытый одѣяломъ изъ розоваго бархата, подбитаго мѣхомъ. На лицѣ и по всему тѣлу ребенка выступали капли пота. Впослѣдствіи, когда онъ выросъ, то былъ очень склоненъ къ простудѣ и заболѣвалъ отъ малѣйшаго дуновенія вѣтерка. Воспитательницы цесаревича сграшно боялись „дурного глазу“ и накожныхъ болѣзней, и потому былъ изданъ указъ немедлено отправлять изъ Петербурга каждаго ребенка, семейство котораго имѣло пріѣздъ ко двору, если онъ

заболѣвалъ какой-нибудь накожной болѣзнью. Когда цесаревичу исполнилось два года, Катенька Воронцова вдругъ заболѣла корью. Строго исполняя указъ Государыни, больную дѣвочку посадили въ экипажъ и отвезли въ деревню за семнадцать верстъ отъ Петербурга, гдѣ надзоръ за больной дѣвочкой былъ порученъ какому-то маіору и его женѣ нѣмкѣ. Но эта супружеская чета отличалась качествами, мало способными привлечь къ себѣ нервную и впечатлительную дѣвушку. Читать ей было запрещено во время болѣзни, и она сидѣла въ отведенной ей комнатѣ, какъ нахохлившаяся птичка въ клѣткѣ. Такъ прошло нѣсколько недѣль, оставившихъ въ ея душѣ неизгладимое впечатлѣніе. Въ Петербургъ Екатерина Романовна вернулась совсѣмъ переродившеюся. Она сосредоточилась въ самой себѣ, а друзей, которыхъ такъ жаждала ея страстная и наивная душа, замѣнила теперь книгами.

Такое направленіе мыслей помогло ей перенести новое горе, ожидавшее ее въ столицѣ. Изъ всѣхъ своихъ родныхъ она

дружила до сихъ поръ только съ братомъ Александромъ, который былъ на два года старше ея. Другой ея братъ, Семенъ, продолжалъ жить въ деревнѣ у дѣда и она рѣдко видѣлась съ нимъ, а съ Александромъ напротивъ довольно часто. Мало по малу у этихъ дѣтей, лишенныхъ родительскихъ попеченій, зародилась и окрѣпла истинно братская дружба и довѣріе другъ къ другу. Понятно, какъ велико было ея горе, когда, оправившись отъ болѣзни, она узнала, что братъ уѣхалъ въ Парижъ. Чтеніе и музыка теперь овладѣли ею всецѣло. На книги она набрасывалась со страстью, проводила за ними цѣлыя ночи, утомляя себя до болѣзни. Но это не было чтеніе легкихъ романовъ, которыми была такъ богата французская литература прошлаго столѣтія. Ея пытливый молодой умъ интересовали общественные и политическіе вопросы, и отвѣта на нихъ она искала у Вольтера, Монтескье, Бейля, Гельвеція, Буало. На книги она тратила всѣ свои карманныя деньги, и въ шестнадцать лѣтъ успѣла составить библіотеку въ 900 томовъ.

Веселая, рѣзвая и откровенная отъ природы, дѣвушка, замкнувшись въ себѣ, сохраняетъ теперь общеніе только съ тѣми людьми, отъ которыхъ можетъ пріобрѣсти полезныя свѣдѣнія. Домъ ея дяди, очень образованнаго по тому времени человѣка, часто посѣщали иностранные ученые, художники, писатели, дипломаты и посланники всевозможныхъ государствъ. Этихъ господъ юная оригиналка просто „мучила своей ненасытной любознательностью“. Формы правленія, законы, отношенія сословій, — вся государственная жизнь сосѣднихъ странъ привлекали ея вниманіе и наводили на размышленія и сравненія съ родной страной и возбуждали желаніе путешествовать, чтобы самой провѣрить все слышанное отъ другихъ и читанное ею въ книгахъ. Одно чтеніе не могло удовлетворить живую и энергичную натуру. Сознаніе своего умственнаго превосходства толкало дѣвушку впередъ къ дѣятельности; въ головѣ носились образы историческихъ героинь. Возможность затеряться въ толпѣ безцвѣтныхъ современ-

ныхъ женщинъ пугала и раздражала ее. Но какъ быть? Какъ пробить себѣ дорогу къ славѣ и почестямъ изъ замкнутаго круга родственной опеки? Когда Екатерина Романовна была еще ребенкомъ, случалось ей забѣгать въ кабинетъ своего дяди. Чтобы отдѣлаться отъ нея или, быть можетъ, съ цѣлью напрактиковать ее въ грамотѣ, дядя совалъ ей въ руки какую-нибудь старую дипломатическую бумагу. Въ кабинетѣ лежали цѣлые вороха депешъ, рескриптовъ, дипломатическихъ писемъ. Между ними попадались чрезвычайно интересные документы. Екатерина Романовна прочитывала ихъ съ жаднымъ любопытствомъ: нѣкоторые ее смѣшили, другіе заставляли задумываться. Вельможъ того времени нельзя было упрекнуть въ излишней сдержанности. Въ письмахъ и бесѣдахъ между собою, въ особенности застольныхъ, они толковали о событіяхъ и предметахъ, которые, по настоящему, должны были быть скрыты отъ дѣтскаго вниманія. Такіе люди посѣщали и канцлера, графа Воронцова. Неудивительно поэтому, что дѣвуш-

ка въ подробностяхъ ознакомилась съ исторіей недавнихъ царствованій, со сплетнями про иностранные дворы, съ положеніемъ и взаимными отношеніями дворцовыхъ партій... Екатерина Романовна прислушивается, распрашиваетъ, и вотъ мало по малу въ головѣ ея начинаютъ бродить смѣлые планы, посредствомъ которыхъ она надѣется сама пробить себѣ дорогу къ славѣ въ этой толпѣ напудренныхъ париковъ и расшитыхъ мундировъ. Она начинаетъ вести загадочный дневникъ, въ который заноситъ всѣ узнаваемыя ею новости относительно политики, двора, города и войска. Къ этому же времени относится и неожиданное для всѣхъ замужество Екатерины Романовны. Объ этомъ важномъ событіи Екатерина Романовна разсказываетъ очень сдержанно въ своихъ запискахъ, но есть возможность предполагать, что оно было результатомъ не одного только чувства любви къ князю Дашкову, но также и желаніемъ завоевать себѣ свободу дѣйствій, выбравшись изъ дома дяди.

Въ 1742 г. въ Петербургъ изъ Киля привезли четырнадцатилѣтняго мальчика, круглаго сироту, который, по своему происхожденію, имѣлъ право на русскій престолъ, такъ какъ былъ сыномъ Анны Петровны, старшей дочери Петра I и Карла Фридриха, владѣтеля Голштиніи. Елизавета Петровна взяла мальчика подъ свое непосредственное наблюденіе. Вскорѣ по пріѣздѣ, его обратили въ православіе назвали Петромъ Ѳеодоровичемъ и объявили наслѣдникомъ русскаго престола, а на слѣдующій годъ стали подыскивать ему невѣсту. Послѣ долгихъ колебаній, выборъ императрицы остановился на бѣдной дочери князя Ангальтъ-Цербскаго, генерала прусской службы. Красивая, юная, почтительная къ родителямъ, принцесса имѣла всѣ данныя быть преданной, непритязательной супругой. Когда въ Петербургъ привезли ея портретъ, онъ превзошелъ всѣ ожиданія, и Государыня поспѣшила послать въ Цербстъ приглашеніе принцессѣ матери пожаловать съ дочерью

въ Россію. Черезъ двѣнадцать дней принцессы тронулись въ далекую и трудную дорогу. На пути дочь получила отъ отца запечатанный пакетъ; въ немъ она нашла наставленія, опредѣлявшія ея будущія дѣйствія. „Пуще всего не вступайся въ дѣла правленія“, совѣтовалъ ей осторожный генералъ.

Первыя впечатлѣнія въ незнакомой странѣ были таковы, что принцесса сказала себѣ: „я буду здѣсь царствовать одна“. Отцовское внушеніе, какъ видно, не имѣло для нея особеннаго значенія. По пріѣздѣ она быстро всѣхъ очаровала своей скромной почтительностью къ окружающимъ. Однако нашлись люди, проникшіе сразу въ тайники ея души. Однимъ изъ первыхъ ее понялъ канцлеръ Бестужевъ. Пользуясь громаднымъ вліяніемъ при Елизаветѣ Петровнѣ, онъ рѣшилъ перенести это вліяніе и въ будущее царствованіе, изучивъ характеръ молодой принцессы. Съ этой цѣлью къ наслѣднику и его невѣстѣ были опредѣлены особые „пристава“ для наблюденія, въ особенности, за невѣстой.

Въ инструкціи, написанной по этому поводу, заботливо предусматривалось, чтобы ни одно дѣйствіе, даже слово молодой четы не оставались неизвѣстными канцлеру. Между тѣмъ Софья - Фридерика - Августа приняла православіе и имя Екатерины.

Нелегко приходилось Екатеринѣ Алексѣевнѣ въ первый годъ ея пребыванія въ Россіи. Ея отношенія къ окружающимъ много походили на тѣ, въ которыхъ изнывала ея тёзка и будущая сподвижница, Екатерина Романовна. Обѣ онѣ въ шестнадцатилѣтнемъ возрастѣ вынуждены были искать поддержки только въ собственныхъ душевныхъ силахъ. И здѣсь, при дворѣ, и тамъ, въ домѣ вице-канцлера, двѣ честолюбивыя дѣвушки уединенно трудились надъ развитіемъ своего ума и характера; обѣ спѣшили пополнить чтеніемъ недостатки своего образованія, чтобы затѣмъ выступить на арену жизненной борьбы, вполнѣ вооруженными — и природными способностями, и пріобрѣтеннымъ знаніемъ.

Въ 1745 г. женихъ и невѣста были обвѣнчаны. Ему въ то время было 16, а

женѣ его 15 лѣтъ. Но молодые супруги представляли между собой совершенную противоположность по своему характеру и наклонностямъ; эта разница вскорѣ поселила несогласіе, перешедшее потомъ во взаимную вражду.

Великая княгиня Екатерина своимъ любезнымъ обхожденіемъ старалась добиться всеобщаго расположенія. Много и серьезно читала, но не отказывалась и отъ придворныхъ развлеченій. „При дворѣ, говоритъ Брикнеръ, въ которомъ жили интриги, любовныя похожденія и всякаго рода таинственности, Екатерина не могла остаться чуждой всего этого. Она должна была постоянно быть настороже въ отношеніяхъ къ императрицѣ, къ Петру и даже къ своей матери. Наружно она являлась послушной и покорной, но внутренно была свободна и независима и стремилась подчинить своимъ цѣлямъ все окружающее“.

При дворѣ произошло раздвоеніе: одни стояли на сторонѣ Петра, другіе — Екатерины.

Въ семьѣ Воронцовыхъ тоже произошелъ расколъ: въ то время, какъ дядя, отецъ, братья и сестры Екатерины Романовны дѣлаются сторонниками Петра, сама она становится въ число защитниковъ Екатерины.

Въ шестнадцать лѣтъ Екатерина Романовна представляла изъ себя широкоплечую дѣвушку, низенькую, коренастую, съ большой головой и крупными чертами лица. Это некрасивое лицо, то гордое, то привѣтливое, скрашивалось большими умными глазами, сверкавшими умомъ и насмѣшкой. Ея движенія были быстры, энергичны, но лишены граціи... У нея былъ прекрасный голосъ, свѣжій цвѣтъ лица и веселая, задорная рѣчь, что порою дѣлало ее привлекательной въ глазахъ свѣта. Лѣтомъ 1758 года Екатерина Романовна осталась въ душномъ, пыльномъ Петербургѣ, наединѣ съ своими книгами и мечтами, между тѣмъ какъ ея родственники пе-

переселились въ Царское Село, поближе ко двору. Петербургъ опустѣлъ, но Екатерина Романовна не скучала одна, напротивъ отдыхала отъ семейныхъ раздоровъ и дрязгъ; много занималась музыкой, и даже посѣщала итальянскую оперу. Однажды Екатерина Романовна съ своей подругой вздумала пройтись немного пѣшкомъ, а каретѣ приказала ѣхать впередъ и дожидаться на углу улицы. Вечеръ былъ чудный. Луна ярко свѣтила. Едва дѣвушки сдѣлали нѣсколько шаговъ, какъ изъ переулка вышла навстрѣчу имъ какая-то высокая мужская фигура. „Кто это?“—спросила Екатерина Романовна свою подругу.—Это князь Дашковъ,—вглядываясь въ приближавшагося гиганта, отвѣчала та.

Поровнявшись съ дамами, мужчина раскланялся и вступилъ въ разговоръ. Красивый и любезный офицеръ произвелъ сильное впечатлѣніе на „маленькую“ Воронцову... Встрѣчаясь съ нимъ потомъ у Голицыныхъ, она познакомилась съ нимъ поближе, и вскорѣ, ко всеобщему удивленію и родственниковъ, и чужихъ, блестящій

гвардеецъ сдѣлалъ предложеніе Екатеринѣ Романовнѣ. Какъ всегда бываетъ въ этихъ случаяхъ, досужіе языки передавали много исторій по этому поводу. Разсказывали, между прочимъ, будто легкомысленный красавецъ вздумалъ однажды на балу подшутить надъ некрасивой дѣвушкой, увѣряя ее въ своей пламенной любви. Самолюбивая Екатерина Романовна подозвала своего дядю и сказала ему: — Дядюшка! князь Дашковъ дѣлаетъ мнѣ честь, проситъ моей руки!

Сконфуженный князь попался такимъ образомъ въ свои собственныя сѣти.

Сама Екатерина Романовна очень туманно разсказываетъ о своемъ сближеніи съ княземъ Дашковымъ. Изъ письма ея къ брату Александру въ Парижъ видно, что она опасалась противодѣйствія этому браку со стороны своей старшей сестры Маріи въ замужествѣ Бутурлиной... „Я прошу тебя, мой милый братъ, не сообщать объ этомъ никому, въ особенности же моей сестрѣ, такъ какъ его хотятъ женить на одной изъ Бутурлиныхъ“. Какъ бы то ни было, Дашковъ отправился въ Москву къ

матери за благословеніемъ на бракъ съ Екатериной Романовной Воронцовой.

Была уже зима. Однажды вечеромъ въ домѣ канцлера появились необыкновенные гости: пріѣхалъ наслѣдникъ Петръ Ѳеодоровичъ съ своей супругой Екатериной Алексѣевной. Вообще они рѣдко показывались вмѣстѣ, но на этотъ разъ великая княгиня измѣнила своей любви къ уединенію, имѣя въ виду особую цѣль. До нея давно дошли слухи, что въ семьѣ Воронцовыхъ есть молоденькая дѣвушка, по имени Екатерина Романовна, которая очень рѣзко расходится въ образѣ мыслей и въ симпатіяхъ со всѣми своими родными. Екатерина Алексѣевна, искавшая всюду пособниковъ своимъ планамъ, рѣшила познакомиться съ юной оригиналкой.

Во весь вечеръ великая княгиня обращалась почти исключительно къ одной Екатеринѣ Романовнѣ и въ этомъ обращеніи было столько обаянія, что головка молодой дѣвушки закружилась отъ восторга. О впечатлѣніи, произведенномъ на нее великой княгиней, Екатерина Романовна пи-

шетъ такъ—по прошествіи многихъ, многихъ лѣтъ:

„Возвышенность чувствъ и образованность, повидимому, показывали въ ней сущеество, поставленное природою выше всѣхъ другихъ и превосходившее всѣ прежнія понятія мои о совершенствѣ“.

Съ этого достопамятнаго вечера Екатерина Романовна дѣлается ревностной поклонницей супруги Петра Ѳеодоровича...

Вскорѣ вернулся Дашковъ. Въ февралѣ 1759 года была скромно отпразднована свадьба и молодые уѣхали въ Москву. Слѣдующіе за тѣмъ два года Екатерина Романовна провела въ Москвѣ, въ тѣсномъ кружкѣ родственниковъ своего мужа. Въ это время она только два раза выѣзжала изъ Москвы: одинъ разъ съ свекровью въ ея имѣніе Троицкое, за Серпуховымъ, а другой разъ съ мужемъ въ Орловскую губернію, въ его помѣстье.

Объ этомъ періодѣ жизни ея мы знаемъ мало. Изъ записокъ княгини однако мож-

но видѣть, что она не сразу приноровилась къ образу жизни москвичей. Ихъ грубоватыя манеры, старомодная мебель, презрительное отношеніе къ западно-европейской образованности—все это было такъ далеко отъ всего, къ чему привыкла княгиня въ блестящемъ домѣ своего дяди. Въ свою очередь и родные мужа сначала нѣсколько дико смотрѣли на изысканно-воспитанную родственницу съ ея французскимъ языкомъ и начитанностью. На бѣду, въ первое время по пріѣздѣ, княгиня говорила по русски очень плохо, а свекровь не знала ни одного иностраннаго языка. Это, конечно, очень мѣшало сближенію и княгинѣ пришлось засѣсть за русскую грамматику и словарь.

Ничѣмъ неотмѣченные дни кажутся короткими, когда о нихъ вспоминаютъ, поэтому княгиня Дашкова въ своихъ запискахъ говоритъ, что время тогда проходило быстро. На самомъ дѣлѣ оно протекало очень вяло и безцвѣтно, скрашиваясь только чтеніемъ книгъ да занятіями музыкой. За это время у княгини Дашковой

родилось двое дѣтей;— 21 февраля 1760 г. у нея родилась дочь, а черезъ годъ сынъ Михаилъ.

Проведя два года въ Москвѣ, гдѣ ей все было не по душѣ, Екатерина Романовна весною 1761 года съ восторгомъ возвращалась въ Петербургъ. Опустивъ стекло кареты, она съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ смотрѣла на толпу, надѣясь встрѣтить знакомое родственное лицо и совсѣмъ забывъ, что родственники и знакомые уже разъѣхались по дачамъ.

На слѣдующій день къ ней пріѣхалъ отецъ ея, сенаторъ Романъ Илларіоновичъ. Между разными новостями онъ сообщилъ, что наслѣдникъ желаетъ, чтобы нѣкоторые избранные офицеры Преображенскаго полка пріѣхали гостить въ его дворецъ въ Ораніенбаумъ, гдѣ онъ обыкновенно проводилъ весну и лѣто. Въ числѣ приглашенныхъ былъ и Дашковъ съ женой. Екатерину Романовну не особенно привлекало поселиться въ самомъ Ораніенбаумѣ и по-

тому она съ радостью приняла предложеніе отца помѣститься въ его загородномъ домѣ между Ораніенбаумомъ и Петербургомъ.

Собранія великаго князя представляли нѣчто въ родѣ лагеря, гдѣ, набранные изъ подонковъ народной массы, голштинскіе офицеры поражали грубостью, невоспитанностью и полнымъ отсутствіемъ остроумія. Вечера обыкновенно оканчивались баломъ или ужиномъ; разговоръ шелъ на нѣмецкомъ языкѣ, и кто имѣлъ несчастіе плохо говорить по нѣмецки, подвергался насмѣшкамъ. Иногда великій князь давалъ свои праздники на небольшой дачѣ, въ недалекомъ разстояніи отъ Ораньенбаума, гдѣ хватало мѣста только для небольшого интимнаго общества. Здѣсь монотонность вечера разнообразилась пуншемъ, табачнымъ дымомъ и игрою въ такъ называемый кампись.

Вечера великой княгини представляли полнѣйшій контрастъ: здѣсь все было прилично, изящно и остроумно. Дашкова съ восторгомъ замѣчала, что дружба къ ней

Екатерины все возрастаетъ и она сама привязывается къ великой княгинѣ всѣмъ сердцемъ.

Въ кружкѣ великаго князя княгиня Дашкова заслужила репутацію „бѣсенка“ своими рѣзкими и смѣшными словами, а добрый Петръ Ѳеодоровичъ не придавалъ особеннаго значенія дерзкимъ выходкамъ своей крестницы, считая ее еще ребенкомъ. Въ теченіе лѣта Екатеринѣ Алексѣевнѣ удалось вполнѣ подчинить своему вліянію Екатерину Романовну. Сохранилось двадцать пять ея записочекъ къ Дашковой за это время. Въ нихъ она заклинаетъ ее любить себя и льстить ея стремленіямъ къ стихотворству, то придаетъ необыкновенную важность какой-то рукописи (посланной княгинѣ Дашковой), подчеркивая тѣмъ и важность тайны, и свое довѣріе, то восхищается ея остроуміемъ, нѣжностью сердца. Какъ образчикъ сердечныхъ изліяній ея высочества можно привести одно письмо по поводу надписи къ портрету великой княгини, надписи, сочиненной Екатериной Романовной. Вотъ ея четверостишіе:

Природа въ свѣтъ тебя стараясь произвесть,
Дары свои на тя едину истощила,
Чтобы на верхъ тебя величія возвесть,
И, награждая всѣмъ, она насъ наградила.

Въ отвѣтъ Екатерина Алексѣевна пишетъ:

„Какіе стихи! какая проза! и это въ семнадцать лѣтъ! Я прошу... нѣтъ, я умоляю васъ не пренебрегать такимъ рѣдкимъ талантомъ. Можетъ быть, въ этомъ случаѣ я покажусь нѣсколько пристрастной, потому что, милая княгиня, вы меня саму сдѣлали предметомъ вашего прекраснаго произведенія. Обвиняйте меня въ тщеславіи, въ чемъ угодно, но я должна сознаться, что не знаю, приходилось ли мнѣ когда-нибудь читать такое правильное, поэтическое четверостишье. Не менѣе цѣню я его, какъ доказательство вашей любви; я благодарю васъ сердцемъ и душой. Только заклинаю продолжать любить меня; будьте увѣрены, что моя теплая дружба

всегда будетъ соотвѣтствовать вашимъ чувствамъ. Я съ наслажденіемъ ожидаю тотъ день на будущей недѣлѣ, который вы обѣщали провести вмѣстѣ со мной, и надѣюсь, что это удовольствіе будетъ теперь повторяться чаще, такъ какъ дни становятся короче"...

Послѣдніе годы своего царствованія императрица Елизавета по зимамъ жила въ старомъ Зимнемъ дворцѣ. Это былъ невысокій, но чрезвычайно обширный домъ, занимавшій все пространство на Невскомъ проспектѣ, между нынѣшнимъ Полицейскимъ мостомъ и Большой Морской. Множество флигелей и разныхъ пристроекъ окружали его. Въ передней части зданія были расположены аппартаменты императрицы, а во флигеляхъ жили другіе члены императорской фамиліи. Императрица, заболѣвшая опасно въ 1757 г., чувствовала съ тѣхъ поръ постоянно недомоганіе, но боролась съ своею болѣзнью и даже занималась дѣлами, пока 12-го декабря 1762 г. жестокая рвота съ кашлемъ и кровохар-

каньемъ не уложили ее въ постель. Послѣ кратковременнаго облегченія, въ началѣ двадцатыхъ чиселъ декабря, болѣзнь такъ усилилась, что врачи, истощивъ всѣ средства, объявили положеніе Государыни безнадежнымъ. Между тѣмъ какъ врачи хлопотали около Императрицы, а дворцовая прислуга сбилась съ ногъ, исполняя ея приказанія, въ нѣкоторомъ разстоянія отъ дворца остановилась карета. Изъ нея вышла низенькая фигура, закутанная въ шубу, вышла, и безшумно скрылась въ заднемъ подъѣздѣ того флигеля, гдѣ помѣщалась великая княгиня. Войдя, она остановилась какъ бы въ недоумѣніи—куда идти? прошло нѣсколько мгновеній... Вдругъ, дверь, ведущая изъ внутреннихъ покоевъ, отворилась и въ ней показалась старшая каммеръ-юнгфера Череповская. Пріѣхавшая дама обратилась къ ней:

— Я—княгиня Дашкова. Бога ради, проводите меня къ ея высочеству—мнѣ необходимо ее видѣть!

На возраженіе Череповской, что великая княгиня уже въ постели, Екатерина Рома-

новна не обращала вниманія и продолжала настаивать. Тогда та повела ее. Остановившись у двери одной комнаты, камеръюнгфера сдѣлала знакъ Дашковой подождать и сама скрылась за портьерой....

— Разъ она здѣсь, введите ее поскорѣе ко мнѣ!—послышался взволнованный голосъ великой княгини. И когда Дашкова вошла, Екатерина усадила ее на свою постель, закутала ей ноги своимъ одѣяломъ и засыпала вопросами: что случилось? почему она, больная, пріѣзжаетъ къ ней и въ такой неурочный часъ?

— Ахъ, ваше высочество!—отвѣчала Дашкова. Императрицѣ осталось нѣсколько дней жизни, можетъ быть, нѣсколько часовъ.... Что ожидаетъ васъ послѣ ея смерти? Приняли ли вы какія-нибудь мѣры для своей безопасности! Есть-ли у васъ планъ, какъ дѣйствовать? Богомъ прошу васъ, довѣрьтесь мнѣ! Располагайте мной, какъ хотите!

Была глубокая ночь, когда Череповская проводила къ выходу Екатерину Романовну Дашкову.

На другой день императрицу исповѣдовали и причащали; еще на слѣдующій день ее соборовали.

Два лица часто склонялись надъ постелью умирающей: одно изъ нихъ не выражало никакой тревоги о будущемъ, другое было скорбно и задумчиво. Это былъ Петръ Ѳеодоровичъ и Екатерина Алексѣевна. Первому оставалось жить только нѣсколько мѣсяцевъ, другой тридцать четыре года.

25-го декабря 1762 года въ дверяхъ царской опочивальни появилась низенькая, толстая фигура старѣйшаго сенатора Никиты Юрьевича Трубецкого: „Императрица Елизавета Петровна волею Божіею скончалась, а государствуетъ императоръ Петръ Ѳеодоровичъ!“ произнесъ онъ торжественно.

Тѣло покойной императрицы изъ опочивальни было перенесено на „парадную кровать“, гдѣ и оставалось впродолженіи шести недѣль. Всѣ, желавшіе проститься съ ея тѣломъ, допускались безпрепятственно безъ различія чиновъ, возраста и званія. Петръ избѣгалъ печальной залы, за

то Екатерина почти все время оставалась тамъ. Публика, допускаемая къ „смотрѣнію тѣла государыни“, могла каждый день видѣть у богато-убраннаго амвона, на которомъ стояло траурное ложе, молящуюся фигуру молодой Императрицы. Она молилась усердно, проливая горькія слезы и не пропуская ни одной службы.

Въ своемъ манифестѣ о восшествіи на престолъ Петръ III выразилъ желаніе идти по стопамъ дѣда своего, Петра Великаго. Вскорѣ по вступленіи на престолъ, Петръ III уничтожилъ тайную канцелярію, запретилъ пытки; множество сосланныхъ въ Сибирь были имъ возвращены на родину.

Особое вниманіе онъ обратилъ на гвардію. Эти „янычары“, какъ звалъ Петръ III гвардейцевъ, за время царствованія Елизаветы ни разу не были въ дѣйствительной арміи и облѣнились до крайности, въ особенности офицеры. Послѣдніе совсѣмъ не знали службы и во всемъ полагались на фельдфебелей, которые въ свою очередь, черпали свѣдѣнія о военныхъ движеніяхъ у солдатъ, записанныхъ въ гвардію изъ

армейскихъ полковъ. Случалось, что по приказу выводить роту на парадъ, на ротный плацъ являлись въ назначенное время только рядовые съ унтеръ-офицерами. Петръ III рѣшилъ положить этому конецъ. За образецъ онъ взялъ прекрасно дисциплинированную армію Фридриха Великаго. Начались утомительныя упражненія, обученіе новымъ ружейнымъ пріемамъ. Кто хотѣлъ заслужить расположеніе Императора, долженъ былъ дѣйствительно служить, а не числиться только на службѣ. Государь самъ подавалъ примѣръ, осматривая часто роты и по нѣскольку часовъ присутствуя на разводахъ. Полковые секретари, писаря и ротные командиры возмущались новыми „прусскими“ порядками и со вздохомъ вспоминали блаженные дни царствованія Елизаветы Петровны. Отвыкшая отъ боевой жизни, гвардія съ ропотомъ встрѣтила объявленіе о походѣ въ Данію. Все это произвело недовольство противъ Петра III, которымъ воспользовались его враги и въ 1762 г. возвели на престолъ Екатерину.

На русскій тронъ садится бывшая Ангальтъ-цербстская принцесса и властной, умѣлой рукой въ продолженіе тридцати четырехъ лѣтъ держитъ правленіе огромной страны.

Надежда Дашковой быть другомъ вѣнценосца и руководить его дѣйствіями рушилась въ первые же часы по воцареніи Екатерины, которая постаралась удалить отъ себя своего прежняго друга за слишкомъ большую суетливость, невоздержанный языкъ и желаніе не только давать совѣты, но и дѣлать свои замѣчанія. Когда Екатерина надѣла Дашковой черезъ плечо ленту за ея услуги, княгиня отвѣтила съ грустью: „Я вижу, правда скоро уйдетъ отъ васъ, ваше величество, но позвольте мнѣ сказать—этотъ орденъ, какъ одно украшеніе я не цѣню совсѣмъ, а какъ награду за услуги, не приму никогда — мои услуги непродажны!“ Екатерина не даромъ славилась своимъ неотразимымъ обхожденіемъ, она нѣжно обняла княгиню и ласково сказала:—Но дружба имѣетъ также свои права, и я хочу ими воспользоваться!

Въ настроеніи довѣрчивой княгини мгновенно произошла перемѣна и, уже растроганная, она бросилась цѣловать руки Императрицы. А когда на прощаніе Императрица объявила ей о скоромъ возвращеніи князя Дашкова, который былъ посланъ въ Константинополь по государственнымъ дѣламъ, то Екатерина Романовна почувствовала себя вполнѣ счастливой.

Окончательно Дашкова впала въ немилость во время коронованія. Въ церемоніалѣ ей было отведено самое послѣднее мѣсто въ свитѣ, какъ женѣ полковника. И хотя послѣ коронованія Императрица наградила Дашкову званіемъ штатсъ-дамы, а князя Дашкова сдѣлала камергеромъ, но тѣмъ не менѣе съ этого времени княгиня рѣдко участвуетъ въ блестящихъ придворныхъ празднествахъ и скромно довольствуется семейнымъ кругомъ.

Въ концѣ мая 1763 года Императрица вернулась въ Петербургъ, туда же уѣхалъ къ своему полку и князь Дашковъ, оставивъ жену и дѣтей въ Москвѣ. Въ Петербургъ Дашкова отправилась уже зимой и

такъ какъ Екатерина продолжала на нее гнѣваться за ея „необузданный языкъ», то ей пришлось поселиться не при дворѣ, а на отдѣльной квартирѣ.

Въ Польшѣ въ это время умеръ король Августъ III и на престолъ былъ возведенъ, при помощи русской Императрицы, Станиславъ Понятовскій. Чтобы прочнѣе укрѣпить его избраніе, были двинуты войска къ границѣ подъ начальствомъ между прочимъ и Дашкова. Но онъ не вернулся изъ командировки, — во время пути съ нимъ сдѣлалась страшная лихорадка, отъ которой онъ и скончался. Неожиданная смерть любимаго мужа сильно поразила княгиню, такъ что она заболѣла. Когда она оправилась, то должна была немедленно приняться за устройство хозяйственныхъ дѣлъ. Князь Дашковъ, веселый и добрый товарищъ въ полку, щедро сыпалъ деньгами при жизни, не справляясь со своимъ карманомъ, и оставилъ послѣ себя разстроенныя имѣнія и много крупныхъ дол-

говъ. Чтобы удовлетворить особенно назойливыхъ кредиторовъ, княгинѣ пришлось продать всѣ свои брилліанты и серебро, оставивъ только самое необходимое для своей маленькой семьи. Пришлось съузить свои расходы до суммы пятисотъ рублей въ годъ и запереться въ одной изъ подмосковныхъ деревень, погрузившись во всѣ мелочи и дрязги житья-бытья бѣднаго помѣщика. Черезъ пять лѣтъ долги, правда, были всѣ уплачены и имѣнія спасены, но характеръ княгини измѣнился: въ немъ появились новыя, незнакомыя до сихъ поръ, черты скопидомства и сварливости, характерныя для каждой „хорошей помѣщицы". Устроивъ дѣла, пылкая, неугомонная натура княгини стала скучать бездѣятельностью, и она посылаетъ Императрицѣ письмо за письмомъ съ просьбой отпустить ее заграницу — но отвѣта не получаетъ. Тогда она ѣдетъ въ Петербургъ, лично хлопотать о поѣздкѣ. Императрица даетъ наконецъ разрѣшеніе Дашковой ѣхать заграницу, причемъ, въ видѣ подарка, препровождаетъ ей четыре тысячи рублей.

Свой отъѣздъ заграницу Екатерина Романовна объясняла давнимъ желаніемъ ознакомиться съ иностранными государствами, лучше сказать, съ иностранными дворами и литературными знаменитостями того времени, потому что въ оба свои путешествія, продолжавшіяся по нѣскольку лѣтъ, она никогда не упоминаетъ ни о красотахъ природы, „представляя это дѣло досужимъ юристамъ“, какъ она выражается, ни о народѣ, считая его, вѣроятно, мало-достойнымъ своего вниманія. Все время она ищетъ, видитъ и знакомится съ коронованной и титулованной аристократіей и литературными знаменитостями.

Она охотно посѣщаетъ стараго Вольтера и сводитъ дружбу съ Дидро; бываетъ въ салонѣ Неккера, банкира и государственнаго человѣка, и знакомится въ гостинной Полиньякъ съ французской королевой Маріей-Антуанетой. Въ Вѣнѣ, черезъ русскаго посланника, князя Голицына, она пріобрѣтаетъ новаго знакомаго, перваго министра, князя Кауница. Однажды зашелъ у нихъ разговоръ о Петрѣ Первомъ

и его реформахъ. Кауницъ называлъ Петра добрымъ геніемъ Россіи, излившимъ благодѣтельный свѣтъ на эту темную страну. Онъ умилялся передъ царемъ, работавшимъ какъ простой рабочій, то на верфи, то у ткацкаго станка или съ кузнечнымъ молотомъ и все это для того, чтобы показать примѣръ труда своимъ неповоротливымъ придворнымъ. Дашкова не раздѣляла взгляда Кауница на дѣятельность Петра. По ея мнѣнію, царю не слѣдовало тратить времени на грубый трудъ, когда онъ имѣлъ возможность достать всевозможныхъ рабочихъ и когда его ждали въ кабинетѣ важныя неотложныя дѣла. Она отдавала предпочтеніе дѣятельности Екатерины II, какъ болѣе плодотворной и блестящей, по ея мнѣнію. Кауницъ передалъ свой разговоръ съ Дашковой императору, и Іосифъ II пожелалъ видѣть княгиню. Больной императоръ не могъ назначить ей особаго времени, и встрѣтился съ нею, какъ бы нечаянно, въ музеѣ, прилегающемъ ко дворцу, куда княгиня отправилась осматривать разныя рѣдкости по

естествество-знанію. Тутъ опять зашелъ разговоръ о Екатеринѣ и опять Дашкова излила потокъ похвалъ своей государынѣ.

Вообще, гдѣ бы ни была Дашкова, едва разговоръ касался императрицы, она старалась отзываться о ней какъ горячо преданная подданная. Дидро и Вольтеръ, находившіеся въ перепискѣ съ Екатериной Второй, съ большимъ энтузіазмомъ отзывались о преданности Дашковой къ своей государынѣ. Въ Берлинѣ самъ Фридрихъ Великій пригласилъ Дашкову на смотръ. Во время маневровъ этотъ государь, обыкновенно довольно нецеремонный съ дамами, скачетъ къ княгинѣ, спрыгиваетъ съ сѣдла и, снявъ шляпу, нѣсколько минутъ разговариваетъ съ гостьей на виду сорокатысячной арміи.

Когда Дашкова возвращалась въ Россію изъ своего второго путешествія, Екатерина уже двадцать лѣтъ была на русскомъ престолѣ. За такой длинный періодъ своего царствованія она сумѣла снискать почетъ во всей Европѣ. Въ ея

глазахъ Дашкова потеряла интересъ „ловкой интриганки». Она видѣла теперь въ ней не женщину-борца, а мать взрослыхъ дѣтей, желающую блестящей карьеры своему сыну и она прекрасно чувствовала, съ какой глубокой благодарностью приметъ эта женщина одну изъ высочайшихъ милостей. Дашкова по возвращеніи своемъ изъ-за границы, была встрѣчена Екатериной очень ласково и получила въ подарокъ шестьдесятъ тысячъ рублей и большое имѣніе въ Бѣлоруссіи, а сынъ Дашковой прямо изъ прапорщиковъ, произведенъ былъ въ гвардейскіе капитаны 2-го ранга. Племянница княгини, Полянская, по просьбѣ своей тетки, назначена фрейлиной, о чемъ давно, но безуспѣшно, хлопотали Воронцовы. Нѣсколько времени спустя, Екатерина предложила Дашковой должность президента Академіи Наукъ.

Екатерина, любившая имя свое окружать блескомъ великихъ дѣлъ, а себя придворными съ „изящнымъ сердцемъ и умомъ“, старалась развить умственныя и нравственныя стороны въ русскомъ обществѣ, грубомъ

и невѣжественномъ, несмотря на реформы Петра. Петръ главной задачей образованія ставилъ распространеніе прикладныхъ знаній. Это небыло образованіе въ настоящемъ смыслѣ слова, понимая подъ нимъ расширеніе умственнаго кругозора,—это было изученіе наукъ, годныхъ создать умѣлыхъ ремесленниковъ. Петръ охотно давалъ ходъ людямъ, понимавшимъ толкъ въ кораблестроеніи, горномъ и заводскомъ дѣлѣ и съ этой цѣлью ежегодно посылалъ толпы молодежи заграницу. Къ сожалѣнію, эта молодежь, потолкавшись по европейскимъ столицамъ, привозила, вмѣсто требуемыхъ знаній, напудренные парики, расшитые кафтаны и любовь къ роскоши. Образованіе дворянскихъ женъ и дочерей того времени ограничивалось изученіемъ языковъ, игрой на арфѣ, умѣньемъ хорошо танцовать; великосвѣтскія дамы проводили время легко и пріятно, распѣвая сентиментальные романсы, танцуя, посѣщая оперу и балеты, куртаги, маскарады и читая мелкіе французскіе романы. Что касается воспитанія дѣтей, оно было вполнѣ предоставлено

иностраннымъ гувернерамъ. Эти педагоги, набранные съ улицы—изъ иностранныхъ солдатъ, портныхъ, цирульниковъ—воспитывали своихъ питомцевъ очень своеобразно, и безцеремонно искажали нравственную сторону дѣтскаго характера. Екатерина обратила особенное вниманіе на правильное виспитаніе и съ этой цѣлью основала нѣсколько закрытыхъ заведеній для мальчиковъ и дѣвочекъ. Она дѣлала попытки распространять и народныя школы по городамъ и заботилась о введеніи болѣе человѣчнаго обращенія съ учениками. Вмѣсто палокъ и розогъ, совѣтовала пріохочивать дѣтей къ ученію лаской, чтобы бодрые и веселые, они скорѣе усвоивали науку. Для избѣжанія односторонности въ образованіи, она увеличила число образовательныхъ предметовъ, какъ въ гимназіяхъ, такъ и въ корпусахъ; писались новые учебники, вводились наглядные способы преподаванія; въ школахъ появились модели машинъ, чертежи, рисунки, географическія карты, геометрическія тѣла и разные предметы по естественной исторіи

Императрица не жалѣла денегъ на образованіе и старанія ея не оставались безплодными. Стали появляться люди, которые интересовались наукой, создавались кружки, издавались журналы, гдѣ осмѣивались общественные недостатки—и плохое воспитаніе дворянскихъ сынковъ, и самодурство родителей, и грубыя суевѣрія, и жалкое подражаніе французскимъ модамъ. Въ нѣкоторыхъ изъ журналовъ принимала участіе сама Императрица, а также печатала свои статьи и Екатерина Романовна Дашкова.

Послѣ своего перваго путешествія по Европѣ, Дашкова уже числилась членомъ „Московскаго кружка“, носившаго длинное названіе „Вольнаго россійскаго собранія при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ“. Она участвовала тамъ своими переводами и сочиненіями, напр., она напечатала воспоминанія изъ своихъ путешествій по Европѣ, остановившись на Англіи, какъ наиболѣе симпатичной ей странѣ. „Англія“, говоритъ она, „мнѣ болѣе другихъ государствъ понравилась. Пра-

вленіе ихъ, воспитаніе, обращеніе, ихъ жизнь общественная и частная, ихъ механика, строеніе, сады—все превосходитъ умственные опыты другихъ народовъ въ подобныхъ предпріятіяхъ. Любовь англичанъ къ рускимъ также должна была меня къ нимъ привлечь."

„Осматривая домъ, машины и орудія вольнаго общества художествъ и торговли въ Лондонѣ", говоритъ она дальше, „я нѣкоторый родъ почтенія въ себѣ чувствовала къ сему мѣсту, изъ котораго истекаетъ такая польза и облегченіе сему счастливому и просвѣщенному народу".

Сдѣлавшись директоромъ Петербургской Академіи Наукъ, Дашкова, по обыкновенію, съ большой энергіей принялась за дѣло. Прежде всего она обратила вниманіе на возстановленіе матеріальныхъ средствъ Академіи. Въ нѣсколько лѣтъ она не только освободила Академію отъ долговъ, но и собрала капиталъ въ сорокъ девять тысячъ рублей, который и положила въ Опекунскій совѣтъ. Кромѣ того изъ экономическихъ денегъ выстроила при Академіи два дома,

приносившіе ежегодно доходу двѣ тысячи рублей, устроила прекрасную библіотеку и предоставила Академіи право пользоваться и своей собственной библіотекой. Впослѣдствіи она подарила эту громадную библіотеку Московскому Университету, прибавивъ еще богатый кабинетъ естественной исторіи и рѣдкостей. Этотъ кабинетъ она собирала больше тридцати лѣтъ и онъ былъ оцѣненъ въ 50 тысячъ рублей.

Она заботилась о постоянномъ и правильномъ изданіи ученыхъ академическихъ трудовъ, привела въ порядокъ типографію, и наконецъ рѣшилась издавать новый журналъ подъ названіемъ: „Собесѣдникъ любителей русскаго слова“. Дашкова поставила задачей наполнять его произведеніями исключительно русскихъ писателей и строго слѣдить за слогомъ, очищая его, по мѣрѣ возможности, отъ иностранныхъ словъ и оборотовъ. Въ „Собесѣдникѣ“ соединились всѣ выдающіеся писатели того времени: Фонъ-Визинъ, Державинъ, Княжнинъ, Капнистъ, Богдановичъ, Козодавлевъ и др. Такое дружное содѣйствіе новому журналу

современники приписывали вліянію Дашковой, что не разъ высказывалось въ разныхъ стихотвореніяхъ. Такъ напр. Богдановичъ говоритъ въ одномъ стихотвореніи отъ имени Минервы—такъ величала литература Императрицу:

„Желаніе я знаю музъ—
„Я ихъ возобновлю союзъ,
„Наукамъ вѣрну дамъ подпору,
„И въ нову почесть ихъ собору,
„Возвысить область въ нихъ мою—
„Начальство Дашковой даю.

Дѣятельной сотрудницей „Собесѣдника“ была Императрица, осмѣивавшая, по примѣру прежней сатиры, недостатки своихъ придворныхъ. Не была пощажена и Дашкова, попавшая изъ-за непріятнаго столкновенія съ Нарышкинымъ на страницы комедіи подъ названіемъ „За мухой съ обухомъ“. Дѣло было въ томъ, что свиньи Нарышкина забрались однажды въ садъ Дашковой и испортили клумбы съ цвѣтами; взбѣшенная княгиня велѣла этихъ свиней перебить. Затѣялась тяжба, а вмѣстѣ съ нею распространились злые толки о дурномъ характерѣ княгини.

Въ 1783 году, по мысли Дашковой, была учреждена новая академія, цѣль которой состояла въ обогащеніи россійскаго языка и словесности. Императрица одобрила докладъ Дашковой по поводу открытія новой Академіи и назначила ее президентомъ оной. Дашкова усердно трудилась надъ составленіемъ русскаго словаря и черезъ шесть лѣтъ онъ былъ изданъ въ шести большихъ томахъ.

Дашкова заботилась также объ изданіи новыхъ географическихъ картъ и объ увеличеніи коллекціи минераловъ въ Академіи.

Но время шло. Императрица и Дашкова замѣтно старѣли, дѣлались раздражительны и недовѣрчивы: ихъ дружественныя отношенія, въ послѣніе годы царствованія Екатерины, перешли въ холодныя и натянутыя; причиною этому, какъ и прежде, былъ несдержанный языкъ княгини, а точно также и вліяніе придворныхъ сплетенъ. Екатерина Романовна, видя себя предметомъ недоброжелательства и насмѣшекъ придворныхъ, попросилась у Импе-

ратрицы въ отставку, ссылаясь на хозяйственныя дѣла. Хотя Государыня ничего не имѣла въ душѣ противъ ея полной отставки, но, не желая ее обидѣть, согласилась только на двухлѣтній отпускъ. На прощальномъ свиданіи Императрица встрѣтила Дашкову довольно холодно и Екатерина Романовна ушла отъ своего „друга“ съ тяжелымъ сердцемъ, съ чувствомъ полнаго одиночества на этомъ свѣтѣ, непонятая и униженная. Можетъ съ перваго раза показаться страннымъ, почему у этой умной развитой и интересной во всѣхъ отношеніяхъ женщины не было друзей и невольно приходитъ въ голову вопросъ: —а что же ея дѣти? Но дѣти-то и сломили этотъ нѣкогда гордый характеръ, они заставили эту прямую душу льстить и унижаться, выпрашивая у вліятельныхъ лицъ денегъ, наградъ, имѣній и должностей. Дѣти княгини Дашковой совсѣмъ не оправдали ея ожиданій: они не любили своей матери и въ жизни поступали какъ разъ наоборотъ всѣмъ ея стремленіямъ и желаніямъ. Когда много лѣтъ тому назадъ, во второе свое

путешествіе за-границу, она везла учиться своего единственнаго сына, сколько гордыхъ надеждъ имѣла она въ сердцѣ, какія хитрыя программы обученія и воспитанія строила она, чтобы вырастить изъ сына будущаго геніальнаго дѣятеля для родины! Не было такой науки и искусства, чему бы не обучался молодой Дашковъ! Каждый часъ его жизни былъ внесенъ въ опредѣленную графу воспитанія! Все что было замѣчательнаго и интереснаго въ европейскихъ музеяхъ, библіотекахъ, въ зданіяхъ, въ постройкахъ крѣпостей, въ машинахъ— все долженъ былъ изучать сынъ княгини. Юношѣ безъ передышки пришлось заниматься, и наука ему такъ опротивѣла, жизнь по извѣстной мѣркѣ такъ надоѣла, что, вырвавшись изъ подъ материнской опеки, онъ съ отвращеніемъ и навсегда забросилъ книги; перезабылъ науки, пустившись въ кутежи, сводя знакомства и дружбу съ людьми другого круга, неподходящими къ требованіямъ княгини. И въ то время, какъ она мечтала о блестящей партіи для своего красавца Павла, она вдругъ узнаетъ, что

ея Павелъ женился на купеческой дочери, Аннѣ Алферовой... Горе ея было такъ велико, что она заболѣла и никогда, до самой смерти сына, не желала видѣть своей невѣстки. Что же касается ея дочери, госпожи Щербининой, то, по своей вѣтренности, умственному и нравственному убожеству, она была для княгини предметомъ вѣчныхъ заботъ и постоянныхъ размолвокъ...

Получивъ отпускъ, княгиня объѣхала свои имѣнія, погостила у старика брата Александра, котораго очень любила и уважала, и вернулась къ себѣ въ Троицкое. Здѣсь для развлеченія она затѣяла разныя хозяйственныя постройки, разводила садъ въ англійскомъ вкусѣ, сама сажала кусты, разбивала клумбы. Въ длинные осенніе вечера ея одиночество нѣсколько оживляли двѣ племянницы и злополучная ея дочь Щербинина, которая отъ долговъ пріютилась на нѣкоторое время у матери.

Въ одинъ изъ такихъ скучныхъ вечеровъ пріѣзжаетъ городничій изъ Серпухова и

поражаетъ всѣхъ новостью о кончинѣ Государыни...

Вскорѣ Дашкова была отрѣшена отъ всѣхъ должностей и ей было приказано выѣхать изъ Троицкаго въ Коротово въ одну изъ деревень сына Дашковой, расположенной въ сѣверной части Новгородской губерніи... Изъ барскихъ покоевъ вдругъ исчезла чинная торжественная тишина и важность. Всѣ бѣгали, суетились... Плачъ, поспѣшные сборы, рѣзкія приказанія княгини — все смѣшалось въ какой-то глухой гулъ. Никто не зналъ дороги въ Коротово... Пришлось посылать въ Москву,—не найдется ли тамъ кто-нибудь изъ коротовскихъ мужиковъ. И, дѣйствительно, одного нашли!.

26-го декабря 1796 г. нѣсколько кибитокъ выѣзжало изъ Троицкаго. Въ одной сидѣла княгиня съ дочерью и миссъ Бетси, въ другой дальній родственникъ Дашковыхъ Лаптевъ. Онъ пріѣхалъ къ теткѣ проститься. Но когда увидалъ, что около нея никого нѣтъ изъ близкихъ, кромѣ дочери, то рѣшилъ проводить Дашкову до самого Коротова, не обращая вниманія на возраженія

княгини и на просроченный отпускъ. Еще въ нѣсколькихъ кибиткахъ помѣщалась прислуга княгини. Ѣхать было далеко, дорога трудная, экипажъ неудобный. Ихъ нѣсколько разъ заставала метель. Около Твери они семнадцать часовъ кружились въ полѣ, отыскивая дорогу: вездѣ сугробы, кругомъ крутится метель и залѣпляетъ глаза снѣгомъ. Лошади, выбившись изъ силъ, остановились. Ночная темнота и глухое завываніе вѣтра нагоняли на душу страхъ... Каждый молился про себя... И вдругъ, передъ разсвѣтомъ, въ тотъ короткій промежутокъ, когда метель на мгновеніе утихла, сверкнулъ въ сторонѣ огонекъ. Послали узнать—оказалась деревня... Иногда, проѣзжая безконечный хвойный лѣсъ, они замѣчали темныя фигуры волковъ и бѣгающіе огоньки ихъ жадныхъ глазъ. Кони фыркали, кучера подтягивали вожжи и кибитки неслись одна за другой, прыгая на ухабахъ и качаясь изъ стороны въ сторону... Но всѣ эти страхи и безпокойства не особенно отразились на здоровьѣ княгини Дашковой, а ея ревматическія боли даже

утихли. Пока княгиня подвигалась къ Коротову, ея сынъ послалъ туда изъ Петербурга одного офицера съ письмомъ къ матери и съ приказаніемъ крестьянамъ во всемъ повиноваться княгинѣ, какъ своей собственной госпожѣ. И народъ, со священникомъ во главѣ, встрѣтилъ очень радушно и почтительно мать своего господина. Екатеринѣ Романовнѣ отвели три лучшихъ избы, и она со своими спутницами и прислугой кое-какъ устроилась, закрывъ стѣны и полъ коврами и перегородившись занавѣсками. Онѣ захватили съ собой нѣсколько книгъ, бумаги и карандаши — пробовали читать и рисовать, но безконечная, снѣжная равнина, съ едва видными изъ-за сугробовъ избушками и кустиками, не особенно располагали къ такого рода занятіямъ, а безпокойство за будущность отнимало охоту взяться за книгу... Потянулись однообразные, томительные дни и безконечныя зимнія ночи... Княгиня, послѣ долгихъ колебаній, рѣшилась написать императрицѣ Маріи, прося ея ходатайства передъ императоромъ. На-

конецъ ей дозволено было переѣхать въ свое калужское имѣніе. Назадъ въ Троицкое княгиня ѣхала гораздо быстрѣе, чѣмъ въ Коротово. Черезъ девять дней она была уже дома и тотчасъ же принялась за хозяйственныя дѣла.

Сынъ Екатерины Романовны пользовался вначалѣ большимъ расположеніемъ государя. Сколько разъ хотѣлъ Дашковъ попросить за свою мать, но никогда не имѣлъ духа высказать свою просьбу самому государю. Онъ обратился къ великому князю Александру Павловичу. Разъ Дашкову сказали, что государь даритъ ему пять тысячъ крестьянъ. Дашковъ просилъ передать императору свою глубокую признательность и прибавилъ, что ему ничего не надо, кромѣ свободы его матери... Вскорѣ княгиня получила письмо отъ своего племянника Куракина, который сообщалъ, что она можетъ жить гдѣ ей угодно, даже въ столицѣ.

Екатерина Романовна почти не видалась съ сыномъ современи его женитьбы, а съ невѣсткой познакомилась только послѣ

смерти князя. Она продолжала заниматься садомъ и цвѣтами, разъѣзжала по имѣніямъ, заботилась о благосостояніи своихъ крестьянъ, безпрестанно строилась, а въ свободное отъ построекъ и разъѣздовъ время гостила у своего брата Александра. Братъ и сестра любили вспоминать время Екатерины II. Когда на престолъ вступилъ Александръ Благословенный, то Дашкова получила приглашеніе ко Двору... И вотъ, не торопясь, постариковски, собирается она въ Петербургъ, За шесть лѣтъ этотъ городъ очень измѣнился, въ особенности Дворъ. Грустное чувство, чувство старческаго одиночества овладѣло Дашковой при видѣ незнакомыхъ лицъ, невиданныхъ модъ, новыхъ манеръ и новаго, чуждаго настроенія. Дашкова съ братомъ въ свою очередь служили предметомъ любопытства и недоумѣнія, точно незнакомые старые портреты, выцвѣтшіе и потрескавшіеся. Молодой государь и государыня оказывали имъ полное вниманіе. Дашкова принимала дѣятельное участіе во всѣхъ празднествахъ во время коронаціи, занимая вездѣ почет-

ное мѣсто старѣйшей статсъ-дамы. Но видя, что молодая жизнь, оказывая почтеніе старости, въ то же время чуждается ея, Дашкова прекратила поѣздки въ Петербургъ, предпочитая Москву, гдѣ Екатерининскіе вельможи доживали свой вѣкъ съ той же пышностью, въ тѣхъ же костюмахъ, съ тѣмъ же этикетомъ, какъ и въ блестящее царствованіе покойной императрицы.

Среди отжившихъ старцевъ, украшенныхъ брилліантовыми звѣздами, увѣшанныхъ орденами и лентами, Дашкова царила какъ наиболѣе энергичная и живая представительница отошедшей въ вѣчность блаженной эпохи.

Послѣдніе годы Дашкова предпочитала жить въ Троицкомъ, гдѣ старушка жила полной царицей среди покорныхъ слугъ и раболѣпныхъ гостей, въ обществѣ молоденькой англичанки, Мери Вильмотъ. Движимая особенной, свойственной только англійской націи, страстью къ путешествіямъ, Мери Вильмотъ, сестра мистриссъ

Гамильтонъ, друга Дашковой, пріѣхала въ Россію и остановилась у Екатерины Романовны. Она такъ плѣнилась оригинальнымъ умомъ княгини, что прогостила у нея болѣе пяти лѣтъ. Дашкова, неизбалованная любовью окружающихъ, страстно привязалась къ своей гостьѣ и дѣлала все, чтобы той было весело; вывозила ее на роскошные балы московскихъ вельможъ, устраивала у себя въ ея честь театры и концерты, народныя празднества и поѣздки по окрестностямъ. И все, что было въ княгинѣ хорошаго, добраго, теплаго, искренняго—все раскрылось передъ ея любимицей Мери... Но молодость живетъ будущимъ,въ противоположность старости, которая, не имѣя будущаго цѣпляется за каждый моментъ своей настоящей, гаснущей жизни. Проведя пять лѣтъ въ чужой странѣ, Мери стала скучать... и, наконецъ, уѣхала... Съ ея отъѣздомъ исчезъ для Дашковой послѣдній лучъ, освѣщавшій эту одинокую жизнь, и она умерла еще болѣе несчастною, нежели была до пріѣзда Мери...